

2. Андреева К.А. Литературный нарратив: когнитивные аспекты текстовой семантики, грамматики, поэтики: монография. Тюмень: Изд-во Вектор Бук, 2004. С. 14.
3. Андреева К.А. Маргинальные формы организации структуры и семантики современного нарратива // Вестник ТюмГУ. 2006. №4. С. 118-123.
4. Андреева К.А. Концепт и тайна в парадигме когнитивной поэтики / Вторая междунар. конф. по когнитивной науке, 9-13 июня 2006. СПб, 2006. 330 с.
5. Болдырев Н.Н. International Congress of Cognitive Linguistics. Collection of Papers. 8-10 October, 2008. Tambov, 2008. 822p.
6. Дедова О.В. Лингвистическая концепция гипертекста: основные понятия и терминологическая парадигма // Вестник Московского ун-та. Сер. 9, Филология. 2001. №4. С. 22-36.
7. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во МГУ, 1997. С. 142-143.
8. Субботин М.М. Гипертекст: Новая форма письменной коммуникации // Итоги науки и техники. 1994. Т. 18.
9. Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах / пер. с англ. лекций, прочитанных У. Эко в Гарвардском университете, А. Глебовской. СПб: Симпозиум, 2003. 285 с.
10. Andreeva, K. Prototypical Narrative Versus post-modernist story // The VIII-th International Conference «Cognitive modeling in Linguistics. Proceedings». Varna, 2005. P. 238-244.
11. Andreeva, K. Post-Modern Narrative: In Search of Structure and Sense // Fourth International Conference of the International Association of Literary Semantics (IALS), 12-14 October 2006. Institute of English Philology. The Jagiellonian University of Krakow, Poland.
12. Boisvert, A.-M. Littérature électronique et hypertexte [электронный ресурс]. <http://www.lycee-chateau-briand.fr/cru-atala/publications/hutcheon.htm>
13. Bush, W. As we may think [электронный ресурс]. http://www.isg.sfu.ca/uchier/misc/hypertext_review/index.html
14. Landow, G.P. Hypertexte: The Convergence of Contemporary Critical Theory & Technology [электронный ресурс]. <http://www.stg.brown.edu/projects/hypertext/landow/ht/contents.html>
15. Ryan, M.L. Narrative. Entry for the forthcoming Routledge Encyclopedia of Narrative [электронный ресурс]. <http://lamar.colostate.edu/pwryan/narrenty.htm>. 2004

Тексты для анализа доступны по электронным адресам:

1. Голосова Е. Спящая красавица [электронный ресурс], 2001. <http://www.netslova.ru/golosoza/skazka/index.htm>
2. Berkenheger, S. Die Zeit für die Bombe [электронный ресурс], 1997. <http://berkenheger.netzliteratur.net/ourgla/wargla/96Dollar.htm>

Наталья Николаевна БЕЛОЗЕРОВА —
зав. кафедрой английского языка
Тюменского государственного университета,
доктор филологических наук, профессор
natnicdel@gmail.ru

УДК 81:004.9(079.8)

IN RISO VERITAS? КУЛЬТУРНЫЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ РАСХОЖДЕНИЯ В ФИЛОГЕНЕЗЕ СМЕХА В РОССИИ

Аннотация. На основе семилингвистического анализа автор соотносит ренессансную модель смеховой культуры, воплощенную в произведениях Шекспира, с концептом смеха в России XV-XIX вв. и приходит к выводу о значительных культурных и лингвистических расхождениях в филогенезе смеха в России.

Summary. Having employed the semiolinguistic analysis the author associates the Renaissance model of the carnival culture with the concept of laughter in the XV-XIXth centuries' Russia and assumes that the philogeneses of laughter in Russia rests upon considerable cultural and linguistic deviations.

Ключевые слова. Смех, филогенез, этимология, тезаурус расхождения.

Key words. Riso, semiolinguistic, philogenesis, derivation, etymology.

Скудность позитивного текстового материала, а также история скоморошества и института юродивых в России, с одной стороны, и богатая насыщенность семантического поля «смех» в русском языке, с другой стороны, ведут к предположению, что филогенез смеха в России характеризовался значительными культурными и лингвистическими расхождениями. Об этом же свидетельствует амбивалентная аксиология пословиц, а также семиотическая характеристика взаимозаменяемых фигур «царя» и «дурака» в народных сказках. Возникает вопрос, была ли «природная веселость» европейского возрожденческого человека (XV-XVI вв.) такой же абсолютной ценностью для русского сообщества этого периода, или «смехотворение» (провоцирование смеха) воспринималось грехом во всех социальных слоях.

Впервые этот вопрос возник во время занятий со студентами старшего курса Тюменского государственного университета по анализу текста. Сопоставляя перевод Самуила Маршака 66 сонета Шекспира на русский язык с оригиналом, мы обнаружили значительные семантические расхождения. В частности, четвертая строка сонета «*And needy nothing trimm'd in jollity*» была передана на русский язык как «*Ничтожество в роскошном одеянии*». Оставим за пределами данной работы анализ сочетания «*needy nothing*» [1] и обратимся к лексеме «*jollity*» для того, что прояснить сущность и причину семантических расхождений.

В строке **AND needy nothing trimm'd in jollity** во всех своих значениях лексема **nothing** противопоставлена как выражение абсолютной концептуальной антиценности лексеме **jollity** как выражению относительной концептуальной ценности.

В целом анализ контекстов употреблений лексемы *jollity* показал, что она передает определенную поведенческую норму, обусловленную эпистемой (как совокупности концептов) Возрождения. Эта норма базируется на *эстетике тела и телесного начала*, которую подробно представил М.М. Бахтин в своей книге «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» [2]. Согласно взглядам М.М. Бахтина, ведущей особенностью концепта тела и телесного начала было снижение, «то есть перевод всего высокого, духовного, идеального, отвлеченного в материально-телесный план, в план земли и тела в их неразрывном единстве» [2; 25].

М.М. Бахтин отмечает, что этой целевой областью снижения была физиологическая область (еды, питья, пищеварения, половой жизни). Такой перевод высокого содержания в материально-телесный план был, во-первых, одним из ведущих моментов в дискурсивном поведении шута, а, во-вторых, способствовал приземлению господствующей в средние века рыцарской идеологии и самого концепта рыцаря.

Нормативность при такой поведенческой доминанте обусловлена признанием положительного характера за веселостью. В своей книге М.М. Бахтин отмечает, «что для ренессансной теории смеха <...> характерно именно признание за смехом положительного, возрождающего, творческого значения. Это резко отличает ее от последующих теорий и философий смеха до бергсоновской включительно, выдвигающих в смехе преимущественно его отрицательные функции» [2; 82].

Анализ употребления у Шекспира тезаурусного кластера этой лексемы (*Synonyms MIRTH, glee, hilarity, jocularly, jocundity, joviality, merriment; Related Word blitheness; disport, frolic, gambol, play, rollick, romp, sport — Britannica Deluxe 2004*) показывает, что концепт «веселость», связанный с концептом тела, реализуется не только на уровне структур героев и сюжетных линий комедий, но и на уровне контекстуальной реализации всего тезаурусного кластера. Если рассматривать контексты наиболее близкой лексемы *mirth*, имеющей англо-саксонское происхождение, то можно сделать вывод, что она участвует в номинации культурно- и эпистемологически обусловленной поведенческой нормы. Приведем наиболее показательный контекст, где лексема *mirth* передает нормативное, аксиологически абсолютно положительное поведение и состояние человека:

HAM. I will tell you why, so shall my anticipation prevent your discovery, and your secrecy to the King and Queen moult no feather. I have of late — but wherefore I know not - lost all my mirth, forgone all custom of exercises; and indeed it goes so heavily with my disposition, that this goodly frame, the earth, seems to me a sterile promontory; this most excellent canopy, the air, look you, this brave o'erhanging firmament, this majestical roof fretted with golden fire, why, it appeareth nothing to me but a foul and pestilent congregation of vapors.

[William Shakespeare: *The Tragedy of Hamlet, Prince of Denmark*, P. 84. Шекспир: собрание сочинений, P. 12953 (ср. *Shakespeare-Riverside*, P. 1156)]

В контексте этой знаменитой реплики Гамлета лексема *mirth* реализует не только оппозицию *норма / не норма*, но и связанную с ней оппозицию *умный / сумасшедший*. Потеря веселости, как свидетельствует поведение всех остальных героев относительно Гамлета, приравнивается обществом к сумасшествию. Логическим следствием второй оппозиции становится появление оппозиции *прекрасная сущность [3] / отвратительное ничто [4]*. Непосредственный контекст лексемы, фраза *forgone all custom of exercises* передает отмеченную М. Бахтиным на материале романа Ф. Рабле связь поведенческой нормы с поэтикой тела. Эта связь наблюдается и в других контекстах. При этом наблюдается одновременная дискурсивная реализация нескольких лексем, принадлежащих к тезаурусному кластеру *веселость*.

Сочетание лексемы *mirth* с лексемами *merry, merriment, joy, laughter, wit* в одном речевом акте приводит к семантическому удвоению (утроению, etc., в зависимости от количества лексем) интегральной семы, что подчеркивает доминирование концепта веселости как основной поведенческой нормы.

Соотнося употребление лексем *mirth* и *jollity* в текстах Шекспира, отметим близкое к терминологическому употребление последней, передачу при ее помощи определенной модальности долженствования либо ритуального поведения (бракосочетание, карнавал), либо профессионального поведения (шута). Именно реализация последнего наблюдается в третьей строке 66 сонета [5].

В 66-ом сонете лексемы *nothing* и *jollity* находятся в субъектно-предикатном отношении. При всей одновременно реализуемой многозначности этих лексем они передают эпистемологическую оппозицию *не норма / норма*. В переводе сонета на русский язык эта оппозиция отсутствует, что можно в какой-то степени объяснить несопадением этнокультурных и эпистемологических доминант: «веселость» и «поэтика тела/низа» не принадлежат к числу русских культурных доминант, которые входили бы в эпистемологическое ядро целого периода.

В поисках ответа на вопрос, почему «смех» и «веселость» не вошли в эпистемологическое ядро русской культуры XVI-XVII в., а также, возможно ли говорить об отсутствии оппозиции *норма / не норма* относительно категории коми-

ческого в рамках русской культуры, обратимся к тексту покаяния [6] из требника XVI в., который служил своеобразной матрицей для составления любого набора грехов и прегрешений для кающегося.

Текст 1

Покаяние чернецкое святогорское

А се грехи мои:

Блуд, прелюбодеяние, любовь ко юнным мужеложством, грдыня, непокорство, съпротивословие, злосердие, гнев, вражда, злопомнение, обида, клевета, осуждение, злонравие, роптание, оуничожение, хула, блудозрение, блудомыслие, явноизлитие, объядение, пианьство, сластолюбие, чревобесие, гортанное бешение, лакомство, тайноядение, раноядение, ноциядение, к свету блевание, укор, смехотворение, пустование, блудословие, сквернословие, козлогласование, лжесловие, празднословие, скупость, немилосердие, нищенавистие, обида, сребролюбие, лихомание, зависть, ненависть, леность, небрежение, презорьство, опальство, острожелчие, невоздержание, забытие, нерадение, нечювьствие, миролюбие, тщеславие, словохотие, самохотие, красование, обетоложие, ражжение, плоти оугожение, нетрпение, оуныние, осязание, с женами целование, любовь бесполезная, ненависть душегубная, неразумие, безумие, преслушание, самочиние, нечестие, ярость, горесть, оглашение, рвение, лицемерство, неверие, зловерие, неразсуждение, сплетение лъстивно, пристрастие, земномудрование, малодушие, неблагоприятство, мнение, нечювьствие, рукобийство, срамоглагдание на тайныя уды, на мужск и женьско скоктание, распаление, блуд, мнение на искреняго, любоначалъствие, высокооумие, человекооугождение, мльва, буесловие, оуклонение оума, нечистота, студолжство, оубийство, всяко плотьско наслаждение и оугождение и ослабление, пакости, доброоукрашения, праздность, высокопарьство, вещьная пристрастия, о пении небрежения, о молитве нерадение, о поклонех, леность в церкви, празднословие, дремание, блудныя мысли, на духовнаго отца мнение, осуждение на игумена, на служебники, на братию, о деле монастырском леность и небрежение, на старейших осуждение, на епископа и на священники, и на церковники, и на вся человекы, роптанием, и осудою, клеветою же и надсмеянием ближнему своему [7].

Отметим прежде всего, что это текст, составленный в рамках «нормативной» культуры, нацеленный на противодействие реальным практикам «ненормативной» (естественной) культуры и предназначенный для чернецких (монашеских) практик покаяния. К сожалению, в XVI в. устные тексты, принадлежащие к «ненормативной» культуре, еще не были зафиксированы письменно. В письменном виде они появились благодаря усилиям собирателей фольклора *только в виде прецедентных текстов [8] и интертекстуальных вкраплений* в XIII–XIX веках. Так что анализировать проявления «ненормативной» культуры допетровского периода приходится, опираясь на тексты, составленные в рамках «нормативной» культуры, используя метод «от противного».

Среди перечисленных 145 грехов и прегрешений 20 позиций занимают различные виды «прелюбодеяния», утечи плоти перверсивного и не перверсивного толка (например, *срамоглагдание на тайныя уды, на мужск и женьско скоктание, распаление, блуд*), 37 позиций занимают прочие проявления человеческого «естества», различного рода страсти и ублажения (например, *гнев, вражда, злопомнение, обида, объядение, пианьство, лакомство, тайноядение*). Особое место занимают позиции связанные со смехом (*смехотворение, блудословие, сквернословие, козлогласование, надсмеяние*).

Из списка грехов и прегрешений очевидно, что (1) все перечисленные проявления человеческого естества в русском обществе XVI в. существовали, поскольку имеют соответствующие номинации, (2) нормативная (церковная) культура их осуждала и (3) в своем стремлении «оцерковления» гражданского общества полностью

отвергала «человека естественного». Более того, смех для нормативной русской культуры XVI в. не обладал положительной аксиологией и не признавался поведенческой нормой. СМЕХОТВОРЕНИЕ в тексте из требника занимает тридцать вторую позицию и открывает группу грехов и прегрешений, связанных с различными дискурсивными практиками, т. е. с использованием слова (*смехотворение, пустование, блудословие, сквернословие, козлогласование, лжесловие, празднословие*). Фактически, ряд «словоупотребления» открывается наименованием прегрешения «укор», однако укор не принадлежит к дискурсивным практикам «смехотворения». Отметим, что и уныние (оуныние) включено в список грехов, что заставляет предположить признание официальной культурой за естественной благорасположенностью духа (или за блаженной радостью) определенной доли нормативности.

Все перечисленные дискурсивные практики «смехотворения» использовались главными оппонентами нормативной культуры «оцерковления» общества — скоморохами. В глазах церкви скоморохи, по сути средневековые бродячие актеры, которые собирали народ на зрелища и «игрища» на площадях, а также участвовали в свадебных и похоронных обрядах, воплощали собою языческое начало [9]. Поэтому их представления («смехотворение») считались своеобразной ритуальной практикой культуры антимира, включающей в себя перечисленные в требнике дискурсивные практики: *пустование, блудословие, сквернословие, козлогласование* [10], *лжесловие, празднословие*. Смехотворение, во многом манипулятивного свойства, допускалось только со стороны ЮРОДИВОГО [11], который являл собою образец духовного подвижничества при отречении от всего земного и суетного и нередко демонстрируя постоянное состояние блаженной радости, примерял на себя маску сумасшедшего или умалишенного. Юродивому позволялось ради прояснения истинного смысла происходящего провоцировать толпу на смех. Известно из летописей, а также из переписки царя Ивана IV (Грозного) с Андреем Курбским, что царь принимал схиму юродивого, а также примерял на себя маску скомороха, устраивая «игрища» [12]. Была ли эта попытка придать смеху и «смехотворению» статус нормы, как пишут Д.С. Лихачев и А.М. Панченко [13], или личное стремление Ивана Грозного освободиться от давления патриарха, как пишет Н.М. Карамзин [14], единодушного мнения историков не существует. В любом случае при Иване Грозном «смехотворение» и «смех» приравнивались к греху. При отце Петра I Алексее Михайловиче Романове архиепископ Никон добился указов (в 1648 и в 1657 г.) о запрещении скоморошества. И только Петру Великому удалось реабилитировать и смех, и смехотворение при достаточно болезненном процессе противостояния «оцерковлению» жизни и превращения российского общества в светское. В любом случае, с реабилитацией смеха началось развитие светских искусств и светской литературы [15].

Такова вкратце культурная составляющая филогенеза смеха в России. В целом прием анализа текста XVI в. «от противного» помог выявить существование *номинаций* практик смехотворения и веселья, включаемых нормативной (церковной) культурой в число грехов. И все-таки, для того, чтобы определить аксиологический статус филогенеза «смеха» и «веселья» в российском обществе необходимо обратиться к лингвистическим данным, которые бы не зависели от регулятивов (норм) общества. Такими относительно свободными данными представляются *лексикон, пословицы и народные сказки*. Мы выбираем для этимологического, дефиниционного, семного и аксиологического анализа три лексемы из тезауруса «комическое»: «смех», «веселье», «шутка» [16], в качестве оппозиции выбираем лексемы «уныние» и «грех». Для аксиологического анализа пословиц выбираем фрейм СМЕХ—ШУТКА—ВЕСЕЛЬЕ из пословиц словаря В.И. Даля.

Этимологический анализ [17] выбранных лексем показал, что (1) впервые эти лексем встречаются в письменных документах XI (*смех, шутка, грех, уныние*) и XII вв. (*веселие*). (2) Прослеживается родство лексем группы *смех* не только со славянскими однокоренными лексемами (*vezel'je*), но и с германскими, балтийскими, а также с лексемами других языков (напр. готс. *visan* — «радоваться», или литовское *siutas* — «бешенство, ярость» для лексемы *шут*, или англ. *smile* для лексемы *смех*). (3) Этимология лексем *смех* и *веселие* восстановлена до индоевропейской основы. «Древнерусское «см(ять)хъ» восходит в старославянскому «см(ять)хъ» (веселье, насмешка, радость), далее — к общеславянскому *smesch<sme-* и потом — к тому же индоевропейскому корню (s)mei-, что и в общеславянском глаголе (s)meijati se, (смеяться). Слово ВЕСЕЛИЕ произошло от индоевропейской основы *ves* или *vas* со значением «хороший» [18]. Уныние — (Унытие - Ныти), согласно словарю П.Я. Черных, восходит к индоевропейским корням *pāu*, *pi*, *pū* с общей семьей «печаль». Все это позволяет сделать вывод, что первоначальные номинации обозначали естественные проявления эмоций человека и не включали в себя сему греховности.

Этимологический анализ лексемы «грех» показал, что она восходит к общеславянскому слову *grechъ* (*ошибка, путаница*), которое приобрело форму — *grhъ* в древнерусском и старославянском языках. А.В. Семенов отмечает, что слово «грех» широко распространено в древнерусском (с XI в.) и старославянском языках с известным современному русскому языку значением «ошибка», «грех». Древнерусское слово восходит к общеславянской основе *grechъ*, образованной из *groi-s-us* — «*зablуждение*», «*путаница*», «*ошибка*» [19]. В современном русском языке сохранилось однокоренное слово «огрех, -и» в значении «недостаток, изъян в работе», в котором сохранилась сема «ошибка».

Сравнительный этимологический анализ русского слова «грех», с этимологией французского слова «*péché*» и английского слова «*sin*», значение которых совпадает с русским словом, показал, что все они восходят к корням и основам, объединенным общей семьей «ошибка». Это свидетельствует о том, что эти три слова из разных языков использовались для передачи слова из одного и того же источника (Библии: Ветхого завета на древнееврейском и Нового завета на древнегреческом).

Для анализа тезаурусов и аксиологической составляющей дефиниций этих пяти лексем был выбран «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля [20]. Из соответствующих статей были выделены только субстантивные номинации. За пределами анализа остались глагольные и адъективные деривации, поскольку представления и концепты закрепляются прежде всего в наименовании самого явления, а не наименовании действия или свойства.

Табл. 1.

**Тезаурусные и аксиологические показатели лексем
*смех, веселье, шутка, грех, уныние***

Лексема	смех	веселье	шутка	Грех	уныние
Тезаурус (сущ)	11	11	2	6	3
Аксиология +\-	6\5	11\0	1\1	0\6	0\3

Анализ показал, что тезаурусы лексем *смех* и *веселье* включают в себя наибольшее количество номинативных единиц, что свидетельствует о распространении самого явления, а также о стремлении сохранить его в культуре под альтернативными номинациями. Предельно ограниченное количество единиц тезаурусов лексем *шутка* и *уныние* свидетельствует о семантической самодостаточности наименования. Количество единиц тезауруса лексемы *грех* представляется нормой. Аксиоло-

гические характеристики свидетельствуют об абсолютном негативном восприятии в языке и культуре явлений греховного порядка, упадка духа (уныния). В то же время за *веселием* в языке закреплена абсолютно положительная аксиология. Тезаурусы лексем *смех* и *шутка* характеризуются амбивалентной аксиологией. Сохраняется ли подобная амбивалентность в единицах не только языковых, но и речевых, проверим на основе пословиц из книги В.И. Даля «Пословицы и поговорки» [21].

Всего фрейм пословиц СМЕХ-ШУТКА-ВЕСЕЛЬЕ представлен у В.И. Даля 141 единицей, которые были распределены при анализе по трем группам в соответствии с аксиологическими характеристиками. В табл. 2 приводятся количественные данные и ряд наиболее показательных примеров.

Табл. 2.

**Аксиологические характеристики пословиц группы
СМЕХ—ШУТКА—ВЕСЕЛЬЕ**

Положительная аксиология-46	Амбивалентная аксиология-54	Отрицательная аксиология-41
1. Кто в радости живет, того и кручина нейдет.	1. Радость не вечна, печаль не бесконечна.	1. Лучше пребывать в дому плача праведных, нежели в дому радости беззаконных.
2. Есть нечего, да жить весело.	2. Шутник покойник: пошутил да и помер.	2. Полно тебе зубы скалить. И волк зубоскалит, да не смеется.
3. Мешай дело с бездельем, проводи время с весельем.	3. Шутник покойник: помер во вторник, а в среду встал да лошадку украл.	3. Не перед добром развеселился. Этот смех перед слезами.
4. За хлебом-солью всякая шутка хороша.	4. Смехом сыт не будешь.	4. Смех до плача доводит. И смех наводит на грех.
5. Шутку шутить, всех веселить.	5. Кто весел, а кто и нос повесил.	5. Шут в дружбе неверен (ненадежен).
6. Кто людей веселит, за того весь свет стоит.	6. Тебе смешно, а мне до сердца дошло (а ему тошно).	6. И дураку не всякая шутка к лицу.
7. Нет лучше шутки, как над собою.	7. И то смешно, что в животе тощо.	7. Шутка в добро не введет (к добру не доведет).
8. Сердце веселится, и лицо цветет.	8. За весельем горсть ходит по пятам.	8. В шутках правды не бывает.
9. Веселье лучше богатства. Веселого нрава не купишь.	9. Ни печали без радости, ни радости без печали.	9. Леший пошутит - домой не пустит; водяной пошутит - утопит.
10. В веселый час и смерть не страшна.	10. И смех и горе. И смех и грех.	

Семантика пословиц свидетельствует, что в них полностью сохраняется аксиологическая амбивалентность лексем. Одно и то же явление может быть одновременно представлено и положительно, и отрицательно. Шутить может как человек веселого нрава, так и черт или леший, или водяной. Более того, сами семы *смеха* и *греха*, *смеха* и *печали* находятся в отношениях дополнительности (*И смех и горе. И смех и грех*). Отсутствие оппозитивных отношений позволяют взглянуть на эти семантические сращения как на фрактальные точки роста, векторами которых являются общий (интегральный) семантический ряд СМЕХ-ВЕСЕЛЬЕ и два вариативных ряда: (1) ГОРЕ, УНЫНИЕ и (2) ГРЕХ. При этом, как показывает анализ, семантические ряды могут развиваться и по убывающей шкале. Кроме того, возможен вектор самого семантического сращения.

Выводы

Возвращаясь к джойсовской фразе «In Riso Veritas» в заглавии данной работы, отметим, что проведенный анализ свидетельствует о невозможности запрета на смех в мире живых. Если какая-либо идеологическая система пытается наложить запрет на смех, то в результате возникают культурные и лингвистические расхождения, поскольку язык стремится фиксировать естественные проявления человеческой природы и общества. Анализ также показал, что приемлемой моделью для объяснения филоге-

неза «СМЕХА» в России является фрактал с его точками роста и векторами развития. Точками роста при этом являются семантические сращения синкретического и синтетического свойства, которые существуют в отношениях дополнительности и для которых не характерны отношения оппозитивности. Для флуктуаций характерно развитие как по убывающей шкале (в сказочных сюжетах), так и по возрастающей шкале (в светских жанрах), в результате последнего развития возникают новые синтетические образования, которые становятся новыми точками роста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. См. подробнее анализ всего 66 сонета в нашей книге: Белозерова Н.Н., Чуфистова Л.Е. Шекспир и компания, или использование электронных библиотек при лингвистическом исследовании: уч. пос. Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2007. 296 с. Стр. 89-183.
2. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990.
3. this goodly frame, the earth, this most excellent canopy, the air, this brave o'erhanging firmament, this majestical roof fretted with golden fire
4. a sterile promontory; it appeareth nothing to me but a foul and pestilent congregation of vapors.
5. См. подробный анализ лексемы «Jollity» 66 сонета в нашей книге: Белозерова Н.Н., Чуфистова Л.Е. Шекспир и компания, или использование электронных библиотек при лингвистическом исследовании: уч. пос. Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2007. 296 с. Стр. 128-147.
6. Если мы обратимся к древнерусским текстам соответствующего периода (XV-XVII вв.), то прежде всего отметим почти полное отсутствие «светских», привычных для Европы драматических и лирических жанров. С большим допущением к светским жанрам можно отнести нарративные тексты «Хождение за три моря Афанасия Никитина» и «Жития протопопа Аввакума». В этих текстах наиболее четко выражена категория автора.
7. Требник XVI в. Имп. публ. библ. № (0. I) 35 (Собр. гр. Толстого, №10), л. 131-135. Воспроизводится по публикации у Алмазов А. Тайная исповедь в православной восточной Церкви. Опыт внешней истории. Т. III. М.: Паломник, 1995., т. 3. с. 222-223 (страницы в прямых скобках, отмечены линейкой). <http://www.krotov.info/acts/16/1/15000000.html>
8. Например, в частушках.
9. См. подробнее 250. Беляев И. О скоморохах. Врем. Моск. об-ва ист. и древн. росс. Кн. 20. М. 1854. Отд. I, с. 69-92. Фаминцын А.С. Скоморохи на Руси. СПб., Алетейя, 1995. (Славянские древности) Лихачев Д.С., Панченко А.М. Смеховой мир Древней Руси. Л.: Наука, 1976. 204 с. (Сер. «Из истории мировой культуры»), Власова З.И. Скоморохи и фольклор. СПб., 2001. 524 с. Юрков С. «Смеховая» сторона антимира: скоморошество // Юрков С.Е. Под знаком гротеска: антиповедение в русской культуре (XI-начало XX вв.). СПб., 2003, с. 36-51.
10. Одной из масок скоморохов, судя изображениям на лубках и фресках, была маска козла
11. См. Панченко А.М. Древнерусское юродство / Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. Л., 1984.
12. См. Карамзин Н.М. История государства российского, том 7 и 8. Издание Александра Смирдина. СПб., 1852 г. 318 с. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским (серия: Литературные памятники). Изд-во Наука, 1979. 432 стр. См. также: <http://avorhist.nagod.ru/source/grozn.htm>.
13. Панченко А.М. Смеховой мир» Древней Руси. Л.: Наука, 1976. 204 с. (Сер. «Из истории мировой культуры»).
14. Карамзин Н.М. История государства российского, том 7 и 8. Издание Александра Смирдина. СПб., 1852. 318 с.
15. См. подробнее Лихачев Д.С., Панченко А.М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л.: Наука, 1976. 204 с. (Сер. «Из истории мировой культуры»); С. Юрков. «Смеховая» сторона антимира: скоморошество // Юрков С.Е. Под знаком гротеска: антиповедение в русской культуре (XI-начало XX вв.). СПб., 2003, с. 36-51.

16. Лексемы ИРОНИЯ и ЮМОР не включаются в этот ряд, поскольку они вошли в русский лексикон после XVII века.

17. Этимологический анализ проводился на основе следующих словарей: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения члена-корреспондента АН СССР О. Н. Трубачева. Под редакцией и с предисловием проф. Б.А. Ларина. Издание второе, стереотипное. В четырех томах. М.: «Прогресс», 1986. Тома I-IV; Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2-х т. М.: Из-во «Русский язык», 2004.; Семенов А.В. Этимологический словарь русского языка. Русский язык от А до Я. М.: ЮНВЕС, 2003; The American Heritage® Dictionary of the English Language: Fourth Edition. 2000. Published by the Houghton Mifflin Company Appendix I Indo-European Roots, а также их электронных версий на сайтах <http://etymolog.ruslang.ru>; <http://evartist.narod.ru>; Для сопоставления привлекались: Britannica. Encyclopaedia Britannica 2008 Deluxe Edition. Chicago: Encyclopædia Britannica, 2008; Nicot, Thresor de la langue française (1606), Dictionnaire de L'Académie française, 4th Edition (1762), Jean-François Féraud: Dictionnaire critique de la langue française (Marseille, Mossy 1787-1788), Dictionnaire de L'Académie française, 5th Edition (1798), Dictionnaire de L'Académie française, 6th Edition (1832-1835), Dictionnaire de L'Académie française, 8th Edition (1932-1935) [<http://www.atilf.fr>]

18. <http://evartist.narod.ru/text15/006.htm>

19. Ibid.

20. Даль В.И. Собрание сочинений (Р) 2000-2001 IDDK© 2001 Мультимедиа-издательство «Адепт»; Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. Т. 4. 683 с. Первое издание до 1861 года.

21. Даль В.И. Собрание сочинений (Р) 2000-2001 IDDK© 2001 Мультимедиа-издательство «Адепт».

Надежда Николаевна ЛЫКОВА —
доцент кафедры французской филологии
Тюменского государственного университета,
доктор филологических наук
nlykova@utmn.ru

УДК 811. 133. 1'373. 46:340

ФРАНЦУЗСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей адаптации французских терминов, заимствованных русским юридическим подязыком. Рассматривается фонетическая и грамматическая ассимиляция французских терминов к нормам русского языка.

Summary. The present article is devoted to the adaptation of the French terms had been taken over Russian juridical language. Phonetical and grammatical assimilation of French terms to norms of Russian language is examined in this article.

Ключевые слова. Французские заимствования, юридическая терминология, фонетическая и грамматическая ассимиляция.

Key words. French borrowing, juridical terms, fonetic and grammtic assimilation.

Заимствование иноязычной лексики привлекает постоянное внимание лингвистов и терминоведов. Этот интерес не ослабевает, поскольку заимствования являются, с одной стороны, источником пополнения словарного фонда общего языка. С другой — составляют неотъемлемый элемент терминосистем многих (если не всех) областей